

Культура

Научная статья
УДК 008:712.01+94
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.14>

Истоки теории культурного ландшафта в англо-американской традиции

Ольга Валентиновна Галкова¹, Виктор Владимирович Глазунов²

^{1,2}Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия

¹galkolia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

²glazunov088@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2576-7561>

Аннотация. Начавшееся в первой четверти XX в. развитие теории культурного ландшафта связано с попыткой американского географа К. Зауэра дать первое развернутое определение данному виду культурного наследия. Основываясь на анализе английской и американской историографии, авторы статьи выявляют основные подходы к изучению культурного ландшафта, определяют сформировавшиеся на протяжении XX столетия приоритетные направления ландшафтоведения в англоязычном мире. Одно из них связано с пониманием ландшафта как участка земли, преобразованного определенной культурной общностью людей, второе – с развитием новой гуманистической географии, ее интересом к месту и пространству, что выразилось в эстетическом, символическом, семантическом, феноменологическом, герменевтическом подходах к анализу культурного ландшафта. Авторы стремятся не только показать роль К. Зауэра в основании и развитии современной культурной географии, а также как основателя школы гуманитарных географов (школы культурной географии) Калифорнийского университета в Беркли (США), но и выявить его вклад в развитие теории культурного ландшафта.

Ключевые слова: культурное наследие, историческая память, сельский ландшафт, гуманистическая география, теория культурного ландшафта, памятники истории и культуры, культурный ландшафт, англо-американская историография

Для цитирования: Галкова О.В., Глазунов В.В. Истоки теории культурного ландшафта в англо-американской традиции // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 80–85. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.14>.

Original article

The origins of cultural landscape theory in the Anglo-American tradition

Olga V. Galkova¹, Viktor V. Glazunov²

^{1,2}Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

¹galkolia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8524-5709>

²glazunov088@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2576-7561>

Abstract. The concept of cultural landscape appeared in the first quarter of the 20th century, is associated with the attempt of the American geographer C. Sauer to give the first detailed description of this type of cultural heritage. Based on the analysis of English and American historiography, the authors of the article identify the main approaches to the study of cultural landscapes, determine the priority directions of landscape studies formed during the 20th century in the English-speaking world. One of them is connected with the understanding of the landscape as a piece of land, modified by a certain cultural community of people, the second one is associated with the new humanistic geography, its interest in place and space, expressed in the aesthetic, symbolic, semantic, phenomenological, hermeneutic approaches to the analysis of the cultural landscape. The authors attempt not only to show C. Sauer's role in the foundation and development of modern cultural geography, as well as the founder of the School of Humanitarian Geographers (School of Cultural Geography) of the University of California in Berkeley (USA), but also to identify his contribution to the development of cultural landscape theory.

Keywords: cultural heritage, historic memory, rural landscape, humanistic geography, cultural landscape theory, historical and cultural monuments, cultural landscape, Anglo-American historiography

For citation: Galkova O.V., Glazunov V.V. The origins of cultural landscape theory in the Anglo-American tradition // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 9. P. 80–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.14>.

Термин «культурный ландшафт» и, собственно, та идея, которая под ним подразумевается, впервые появились в научных исследованиях в начале XX в. Первое развернутое толкова-

ние было предложено профессором Карлом Ортвином Зауэром (Carl Ortwin Sauer) – американским географом и основателем современной культурной географии, а также основоположником школы гуманитарных географов (школы культурной географии) Калифорнийского университета в Беркли (США).

К. Зауэр родился в Миссури, но по происхождению был немцем. Пять лет он учился в Германии и многое в своем представлении о ландшафте взял от сложившейся в Германии *Landschaft geographie* (пейзажной географии), исследовавшей региональные ландшафты, в формирование которых были вовлечены люди. Исследователь писал: «Культурный ландшафт создается из природного ландшафта культурной группой. Культура – агент, природная область – посредник, культурный ландшафт – результат» [1]. Вплоть до 1970-х гг. работы К. Зауэра и его исследовательской школы станут бесспорными лидерами ландшафтной теории Запада [2, p. 250].

Дэвид Лей (David Ley), опираясь на работу Марвина Майкиселла (Marvin Mikesell) «Традиции и инновации в культурной географии» (1978), описал черты школы географии Беркли: историческая ориентация, акцент на влияние человека на физическую среду, внимание к материальным артефактам, сельскому и доиндустриальному ландшафту, прочная эмпирическая, полевая традиция и склонность к некумулятивным уникальным исследованиям [3]. Эпохальное сочинение К. Зауэра «Морфология ландшафта», изданное в 1925 г., мотивировало целое поколение американских географов и заложило основу для переоценки понятия ландшафта и формулировки новых подходов [4].

Выдающийся американский географ Престон Джеймс Вильямс (Preston James Williams) отмечал, что К. Зауэр никогда не был счастливее, чем когда работал в архиве или поле. Его методология была результатом решения прагматических проблем. Он, будучи эмпириком, отверг эволюционный подход к культуре и сосредоточился вместо этого на культуре материальных проявлений в ландшафте, таких как формы поселений или полевые образцы. Он не рассматривал людей как прямой объект географического исследования и отдавал приоритет физическим выражениям человеческой деятельности в ландшафте. Престон вспоминал, как в конце 1939 г. Зауэр сказал ему: «Любопытство начинается с фактами и поддерживает себя путем исследования» [5].

Согласно определению К. Зауэра, культурный ландшафт – это, прежде всего, местность, преобразованная людьми, представляющими определенную культурную общность [6, p. 19]. И, самое главное, Зауэр говорил о ландшафте как культурном объекте, о чем-то созданном человеком, модификации природы, а не о природной среде. Ландшафт – это «культурный ландшафт». Как подчеркивал Джон Уайли (John Wylie), ландшафт для Зауэра, во-первых, всегда за чертой города, на расстоянии от городской цивилизации; во-вторых, он реален, это физическая и материальная реальность, в которую мы погружены всеми своими чувствами, в-третьих, ландшафт – это предмет изучения географии. География – это наука о культурном ландшафте» [7, p. 20]. Тем самым, хотя и не отрицалась роль духовной культуры в преобразовании ландшафта, но она не признавалась его составной частью, что существенно обедняло представления о культурном ландшафте.

В то же время, согласно идеям К. Зауэра, культурный и природный ландшафты, вместе взятые, составляют ландшафт в целом: «Конструкция ландшафта включает: 1) черты природной территории; 2) формы, наложенные на физический ландшафт деятельностью человека, культурный ландшафт» [8]. Эти определения, ставшие сегодня классическими, нарушали целостное представление о географическом ландшафте: он подразделялся на природную и культурную составляющие, на автономные природный и культурный ландшафты. Природную составляющую Зауэр рассматривал как фон человеческой деятельности. Причем культурный ландшафт возможно было рассматривать не только наряду с природным ландшафтом, но и даже помимо него. К. Зауэр основное внимание уделил «морфологии ландшафта», т. е. сочетанию его элементов со своей структурой и функциями.

В 1980 г. соотечественники К. Зауэра Д. Лей и Джеймс Дункан (James Duncan) подвергли критике его представление о культуре как данности и о людях как о ее пассивных носителях [9].

В 1930–1940-е гг. для американских ландшафтных исследований был характерен и другой подход, начало разработки которого было положено в 1929 г. Дервентом Уиттлси (Derwent Whittlesey) [10]. Он предполагал рассмотрение преемственных этапов человеческого освоения ландшафта. Эта концепция, с одобрением принятая американскими географами, нацеливала на выделение и характеристику этапов смены одной культуры другой на определенной территории. Характеризуя этот подход, М. Майкиселл отмечал, что его методологическая ценность заключается в возможности проверки гипотез. Вместе с тем утверждение, что все ландшафтные преобразования происходят в основном под действием внутренних сил, несостоятельно, т. к. исследования обычно демонстрировали существенное влияние как внешних факторов, так и их совместное действие с внутренними силами [11, p. 162].

Наряду с этим уже с середины 1950-х гг. массовый интерес к данной программе, по мнению М. Майкиселла, угас, «поскольку слабые места и трудности, присущие последовательному освоению, редко упоминались» [12]. Программа продолжала существовать только за счет таланта блестящего художественного повествования таких ученых, как Джакетта Хоукс (Jacquetta Hawkes), Уильям Джордж Хоскинс (William George Hoskins) и Джон Бриккенхоф Джексон (John Brinckerhoff Jackson). Их стараниями в США в 1951 г. начал публиковаться журнала «Ландшафт».

До 1950-х гг. термин «культурный ландшафт» чрезвычайно редко появлялся в печати. Ситуация начала меняться с того момента, когда в 1955 г. историк-краевед У. Хоскинс перевел ландшафт в область исторического исследования. Свое кредо он выразил следующим образом: «Сам английский ландшафт, для тех, кто умеет его хорошо читать, является самым богатым ландшафтным альбомом, которым мы располагаем. В нем должны быть сделаны открытия, для которых нет и никогда не было письменных документов. Для написания своей истории требуется сочетание документальных исследований и полевых работ, усердного карабканья туда, куда может привести тропа. Результатом является новый вид истории, которая, как мы надеемся, понравится всем, кто любит путешествовать разумно, чтобы уйти от экспонатов путевого проводника, а затем выяснить причину того, что они ищут» [13, р. 14–15]. В монографии «Создание английского ландшафта» прослежена почти тысячелетняя история его формирования. Для такой работы, по мнению У. Хоскинса, исследователь «должен быть ботаником, физическим географом и натуралистом, а также историком» [14, р. 19]. Книга пронизана ностальгией и тоской из-за тех изменений, которые человеческое сообщество вносило в ландшафт в ходе всей своей истории, особенно с 1914 г., когда каждое изменение в английском ландшафте либо ухудшало его, либо уничтожало его значение, либо то и другое вместе.

Понимание ландшафта У. Хоскинсом наиболее полно совпадает с видением ландшафта К. Зауэром, поскольку он укоренен, является внешним и объективным, материальным собранием фактов и вещей, которые реализуются через непосредственное знакомство и наблюдение. Дж. Уайли отмечал, что У. Хоскинс осознавал, что «ландшафт – это среда, непреложный факт, а не абстрактная теория. Его врожденная прочность и материальность (состоит из кирпичей, полей, живых изгородей, мостов) делают его одновременно объектом исследования и тем, что выступает оплотом против любого чувства сомнения и мимолетности...» [15]. Он пришел к выводу, что концепция ландшафта Хоскинса, который, удаляясь вглубь веков, показал сложность, глубину и богатство английского пейзажа, «является археологической или геологической, а не живописной» [16]. В отличие от архивного и дискурсивного направлений большой историографии, здесь применялись методы полевых исследований, тщательных наблюдений во время бесконечных продолжительных пеших прогулок. У. Хоскинс проявил себя как великолепный популяризатор знаний об историческом английском ландшафте, а его повествование стало частью английской послевоенной культуры.

К. Зауэр и У. Хоскинс, будучи академическими учеными, описывали ландшафт извне. Их подход к изучению ландшафта основан на эмпирическом, даже тактильном взаимодействии с ландшафтом. Они представили эмоциональные, со множеством деталей описания ландшафтов. Эти подходы к рассмотрению культурного ландшафта были характерны в 1970–1980-е гг. для многих европейских ученых. С 1972 г. ведущие европейские университеты и исследовательские институты включились в Панъевропейскую исследовательскую программу, в рамках которой действует Международный историко-географический семинар «Расселение – культурный ландшафт – окружающая среда», основанный немецким историкогеографом Карлом Феном (Karl Fen) на базе рабочей группы при Боннском университете (Германия). В рамках семинара было объединено около 150 ведущих европейских исследователей культурного ландшафта. Сам организатор семинара К. Фен в традициях зауэровского подхода определял культурный ландшафт как территорию, преобразованную и освоенную людьми, представляющими определенную культурную общность. Впоследствии в работах культургеографа Ханса-Йюргена Нитца (Hans-Jürgen Nitz) и географа Йорга Штадельбауера (Jörg Stadelbauer) культурный ландшафт рассматривался как результат колонизации, расселения, освоения ранее неосвоенной территории, хозяйственной деятельности на географически определенном участке земного пространства. Причем Нитц подчеркивал, что трансформация первичного ландшафта происходит в связи с «паттерном» колонизации, выражающим в том числе основополагающие нормы и ценности переселенцев [17, р. 130]. В статье Й. Штадельбауера «Культурный ландшафт» основное внимание уделяется не самому физическому пространству, а человеческой деятельности, происходящей в его пределах [18].

В этом же плане анализировали культурный ландшафт и английские ученые Дж. Уайли и Кеннет Роберт Олвиг (Kenneth Robert Olwig), критически и всесторонне осмыслив морфологию ландшафтов как результат взаимодействия культурных ценностей, обычаев и практик землепользования проживающего на территории данного ландшафта человеческого сообщества.

В отличие от них Дж. Джексон коренным образом изменил точку зрения на ландшафт. Его описания ландшафтов не были сентиментальными, не ограничивались красотами сельской местности. Ландшафт должен был рассматриваться не как пейзаж, который можно разглядывать издалека, а как жизнь людей и их борьба за то, чтобы заработать себе на жизнь; города не были исключены, в то время как антропогенные вторжения получили признание как предметы народного искусства. Исследователь обратил внимание на топографические, изобразительные и живописные ассоциации, которые стали доминировать вследствие развития многовекового ландшафта.

Как свидетельствовал Тим Крессвелл (Tim Cresswell), ландшафты Дж. Джексона – «это те, в которых люди живут и работают, они представляют собой ландшафты, которые люди создают в ходе повседневной практики и обыденных чувств» [19, р. 274]. Сам Джексон выразился по этому поводу еще более определенно: «Мы не зрители, человеческий ландшафт не произведение искусства. Это длительный продукт большого пота и трудностей и серьезных мыслей» [20, р. 343]. Так же, как К. Зауэр и У. Хоскинс, Джексон пытался уйти от трактовки культурного ландшафта как эстетически приятного зрелища. Связь его концепции с идеями Зауэра и Хоскинса отчетливо видна и в том, что он определяет культурный ландшафт как «сформированный группой людей, которые изменяют природу, чтобы выжить, создать порядок и справедливое устойчивое общество» [21, р. 315]. По мысли Дж. Уайли, эта общность видна и в его «эмпирических, артефактных акцентах, в его антигосударственном, конкретизирующем духе и, не в последнюю очередь, в его индивидуальности и идиосинкразии» [22].

Однако для Дениса Косгроува (Denis Cosgrove), главным завоеванием Джексона в понимании ландшафта было то, что напрочь отсутствовало и у Зауэра, и у Хоскинса – исследование ландшафта не только как материального, но и как символического ресурса, как источника и хранилища мифа, воображения, символической ценности и культурных смыслов, которые вторгаются в материальное существование ландшафта [23, р. 15]. Дж. Уайли пояснил это утверждение Косгроува на примере. Для первого номера журнала «Ландшафт» К. Зауэр написал эссе «Чихуахуа: какими мы могли бы быть», где исследовал различия культурных ландшафтов Мексики и Нью-Мексико, разделенных рекой Рио-Гранде на американо-мексиканской границе. Различия (разные стили и системы сельского хозяйства, расселения и архитектуры) этих климатически и топографически сходных ландшафтов Зауэр считал результатом и отражением культурных различий между США и Мексикой. Разделяя эту точку зрения, Джексон пошел дальше, развивая идею о том, что видимые различия в этих двух ландшафтах предопределялись и различиями в верованиях, социальной организации, экономических теориях и культурных ценностях. Все это в конечном итоге привело к пониманию двойственности содержания термина «культурный ландшафт».

Дж. Уайли предполагал, что такие впечатляющие достижения Джексона обуславливались тем, что он изучал в Гарварде историю и литературу и не был профессиональным академическим ученым. Поэтому в своих работах, не скованных многими академическими ограничениями и требованиями аргументации, а определяемыми только лишь эмпирическими полевыми опытами, он свободно фланировал между «реальными» ландшафтами и ландшафтами, рассматриваемыми как разнообразный набор ценностей и значений в рамках западного художественного и литературного дискурса.

Для концепции Дж. Джексона свойственно представление о культурном ландшафте как символическом, для которого характерно единство людей, проживающих в пространстве ландшафта, и окружающей среды и присвоение культурного ландшафта теми, кто живет на его земле и обрабатывает эту землю. Он подчеркивал идею изменчивости культурных ландшафтов, отражающую желания людей превратить Землю в небесный рай.

Вероятно, что именно это характерное сочетание открытости вопросам мифа, символики и веры в ландшафте с обязательством ценить повседневный мир современной Америки привлекли Дж. Джексона к «гуманистическим географам» в Северной Америке 1970-х гг. Это тяготение было взаимным. Пиком как этой связи, так и всего гуманистического проекта стал сборник под редакцией Дональда Мейнига (Donald Meinig) «Интерпретация обычных ландшафтов» (1979), который завершался статьей самого Мейнига, представлявшей собой двойную биографию Хоскинса и Джексона. Именно Джексон, при всем уважении к Хоскинсу, был представлен как «тотем ландшафтной географии». Подчеркивалось, что соединение народного и символического в работах Джексона является типично гуманистическим, и это остается самым важным его наследием.

Тем самым было положено начало все углубляющимся расхождениям между двумя ветвями ландшафтоведения в англоязычном мире. Давно устоявшиеся подходы к историческому изучению ландшафтов были связаны с исследованием эволюции формы и культурного содержания ландшафта, с интерпретацией того, как ландшафты эволюционировали, чтобы обрести свой нынешний облик. Новые подходы заключались в попытках идентифицировать символические значения и сообщения, содержащиеся в ландшафте. Разработка новых подходов, по мнению Робина Батлина (Robin Butlin), частично была связана со снижением интереса к позитивистским

подходам в изучении общества. В свою очередь Д. Косгроув замечал, что появившиеся в начале 1970-х гг. изменения в выборе приоритетов в гуманитарной географии были обусловлены протестами против эксплуатации и загрязнения окружающей среды, крепнувшей феминизацией общественной и культурной жизни, беспокойством части общества по поводу безликой типовой застройки городского пространства и др. В результате на первый план исследований вышли другие проблемы, позволившие сфокусироваться на таких понятиях, как социальная справедливость, символизм, и отношениях ландшафта к очень широкому кругу культурных проблем и перспектив. Эти новые подходы делали все ландшафты и их элементы символическими, что превращало ландшафт в предмет более, чем в объект [24, р. 137]. Ландшафт стал системой для производства и передачи значений через представления. Новая проблематика ландшафтных исследований сыграла не последнюю роль в превращении гуманитарной географии в гуманистическую географию [25, р. 121], которая, по мнению Д. Лея, представляла собой также реакцию против колоссального количественного превосходства пространственного анализа, начавшего набирать обороты с 1960-х гг. [26]. Ученый подчеркивал, что ранние работы с их детерминизмом, экономизмом и абстракцией, казалось, уничтожили гуманизм, культуру, человеческую изменчивость и свободу воли. Учитывая этот интеллектуальный климат, следовало ожидать, что теория культурного ландшафта обогатится философией феноменологии, экзистенциализма и прагматизма [27].

Таким образом, благодаря работам К. Зауэра география стала пониматься как наука о культурном ландшафте. Его теоретическое наследие обрело новое звучание в современных исследованиях англо-американских ученых, расширивших теорию и методологию исследования новыми подходами, при которых понятие «культурный ландшафт» все более отделяется от его физической, материальной основы и обретает символическое, эстетическое, семантическое, феноменологическое, герменевтическое и другое звучание.

Список источников:

1. Sauer C. Recent developments in cultural geography // *Recent developments in the social sciences* / ed. by E. Hayes. N.Y., 1927. P. 154–212.
2. Ley D. Cultural/humanistic geography // *Progress in Human Geography*. 1981. Vol. 5, iss. 2. P. 249–257.
3. Ibid. P. 250.
4. Hartshorn R. The nature of geography. A critical survey of current thought in the light of the past. Ann Arbor, 1939. 482 p.
5. Williams M. "The apple of my eye": Carl Sauer and historical geography // *Journal of Historical Geography*. 1983. Vol. 9, iss. 1. P. 1–28. [https://doi.org/10.1016/0305-7488\(83\)90139-1](https://doi.org/10.1016/0305-7488(83)90139-1).
6. Sauer K. The morphology of landscape. California, 1925. 53 p.
7. Wylie J. Landscape. L., 2007. 252 p.
8. Sauer C. Recent developments... P. 186.
9. Duncan J. The superorganic in American cultural geography // *Annals of the American Association of Geographers*. 1980. Vol. 70, iss. 2. P. 181–198. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.1980.tb01306.x>; Ley D. *Geography without man: A humanistic critique*. Oxford, 1980. 24 p.
10. Whittlesey D. Sequent occupance // *Annals of the Association of American Geographers*. 1929. Vol. 19, iss. 3. P. 162–165. <https://doi.org/10.1080/00045602909357088>.
11. Mikesell M. The rise and decline of "sequent occupance": A chapter in the history of American geography / ed. by D. Lowenthal, M. Bowden. N.Y., 1976. P. 149–169.
12. Ibid. P. 165.
13. Hoskins W.G. The making of the English landscape. L., 1955. 328 p.
14. Hoskins W.G. The shell guide to Leicestershire. L., 1970. 123 p.
15. Wylie J. Op. cit. P. 33.
16. Ibid. P. 32.
17. Nitz H. Brüche in der Kulturlandschaftsentwicklung // *Siedlungsforschung: Archäologie – Geschichte – Geographie*. Band 13. Bonn, 1995. S. 129–146.
18. Stadelbauer J. Kulturlandschaft // *Siedlungsforschung: Archäologie – Geschichte – Geographie*. Band 13. Bonn, 1995. S. 219–249.
19. Cresswell T. Landscape and the obliteration of practice // *Handbook of cultural geography* / ed. by K. Anderson, D. Domosh, S. Pile, N. Thrift. L., 2003. P. 269–282.
20. Jackson J. *Landscape in sight: Looking at America*. New Haven, 1997. 400 p.
21. Jackson J. In search of the proto-landscape // *Landscape in America* / ed. by G. Thompson. Austin, 1995. 315 p.
22. Wylie J. Op. cit. P. 44.
23. Cosgrove D. *Social formation and symbolic landscape*. Madison, 1998. 293 p.
24. Butlin R. *Historical geography: Through the gates of space and time*. L., 1993. 306 p.
25. Cosgrove D. *Geography is everywhere: Culture and symbolism in human landscapes* // *Horizons in human geography* / ed. by D. Gregory, R. Walford. L., 1989. P. 118–135.
26. Ley D. Op. cit. P. 250.
27. Ibid. P. 251.

Информация об авторах

О.В. Галкова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоград, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=533009.

В.В. Глазунов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоград, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=687985.

Information about the authors

O.V. Galkova – D.Phil. in History, Professor, Department of History and Cultural Studies, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=533009.

V.V. Glazunov – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=687985.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.08.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 09.09.2021.